

ДВА РАССКАЗА

КАКИЕ ТРОНЫ НАМ НУЖНЫ

Ярбас Захар появился в ауле в трудные годы коллективизации. Он был немолод, посветлевшие виски его походили на тусклую сталь кинжала, и его давно бы следовало называть Захаром Ивановичем, но таков уж обычай горцев — отчества не употребляют.

На первых порах трудно было Захару. В то время редкий горец говорил по-русски, а если и говорил, то настолько бедно, что необходимо было иметь громадное воображение, чтобы добраться до сути. Но Захар любил свое дело и имел крепкие руки кузнеца, а это разве не главное в понимании людей труда?

Однажды утром дверь прокопченной кузницы распахнулась и на пороге появился старый Насир.

— Эй, Захар, почини мне трон!¹

— Чего, чего?

— Трон знаешь?

— Как не знать этого «добра»! — Захар пожал плечами. — Только какой из тебя царь?

— Зачем царь? — загорячился старик. — Зачем обзываешь царем? Я честный человек. Царь не надо, а трон надо. Пахать надо.

— Ладно, отец, объясни толком.

— Иди сюда, Захар! — Насир позвал его на улицу.

Увидав поломанный лемех, Захар

рассмеялся:

— Вот о каком троне ты шумишь!

Он обнял старика за плечи и уже серьезно сказал:

— Я починю его. Такие троны, ой как сейчас нужны нам! Я обязательно сделаю его, быстро-быстро, как это по-вашему, «тез-тез»?

*Перевел с ногайского
ВИКТОР САФОНОВ.*

¹Трон — по-ногайски лемех.

ВЕЧЕРОМ, ПОД ЯБЛОНЕЙ

Таужан увидела его еще в самом начале улицы. Стараясь держаться ближе к забору, он старательно перешагивал лужи. «Бедный,— подумала Таужан, отметив, что походка его тяжелая, а взгляд усталый и медлительный,— бедный Бекиш! Нет, он никогда не научится беречь себя».

Она бросила в жаркую печь полено, торопливо переставив на плите кастрюли, и заспешила к калитке.

— Опять задержался, Бекиш?

— Вечно ты одно и то же: задержался да задержался,— раздраженно ответил муж.— На собрании был, понятно тебе? — Он прошел во двор, не глядя на жену. Сбросил пиджак с плеч и уселся на раскладушку, стоявшую под яблоней: — Принеси-ка воды...

— Сейчас, милый, сейчас. Уж не выпил ли ты?

— Ну, вот опять. Только и на уме у тебя: выпил да выпил, — Бекиш улегся поудобнее, заложил руки под голову и сказал понимающе:— Известное дело, баба...

Она осторожно опустилась на краешек кровати.

— Не сердись, Бекиш, прошу тебя. Если не секрет, о чем говорили?

Он шумно повернулся на бок и ответил с напускной неохотой:

— Так... Обсуждали поведение некоторых...

— Какой же это несчастный краснел перед народом?

— Есть еще такие. Ну, да я ему задал перцу...

— Ты? Неужели ты выступил?!

— Да еще как!

Она вдруг насторожилась, обернулась, резко и выжидающе посмотрела на него:

— Ой, Бекиш, подожди, пожалуйста. Кажется, сын наш плачет.

Она вскочила и побежала на плач. Он сладко потянулся и тоже встал: «Умыться, что ли? Глядишь, и усталость спадет...»

Ему не повезло: рукомойник был пуст. Бекиш нахмурился: черт возьми,

всегда вот так. Неужели ей некогда воды налить?

— Таужан! Слышишь, Таужан!

— Что, милый? — она вышла из дома, прижимая к груди ребенка.

— Может быть, ты хоть раз нальешь воды в рукомойник? А, Таужан? Если, конечно, тебе нетрудно, — съязвил он.

— Ах, зачем ты так? — с укоризной улыбнулась она.— Сейчас.

Едва Таужан положила сына на раскладушку, как улица огласилась пронзительным криком: «Уа-Уа»,— мальчишка не хотел одиночества. Не спуская с него глаз, она опрокинула ведро над рукомойником, потом со звоном опустила на землю и кинулась к кровати.

Плеская себе на спину холодную воду, Бекиш довольно фыркал: — Хо-ро-шо!

— Ты знаешь, Таужан, в общем-то, не собрание было, а товарищеский суд. Пришлось ему, однако, попотеть...

— Ничего не пойму! «Он... Ему...» О ком ты?

— Об Ажгерее, о ком же еще. Сын Янбека.

— Ой-ой-ой,— она удивленно покачивает головой.— Муж Нурхан такой тихий, такой тихий, такой скромный! За что ж вы его?

— Принеси-ка полотенце!

Старательно обтеревшись, он сел за сколоченный из досок стол. Усталости как не бывало. А настроение? Ну, точно только-только проснулся, а сон был про счастливый выигрыш в лотерее. Ковырнув вилкой салат, Бекиш, подморгнув жене:

— Давай-ка сюда соль, Таужан!

Принесла. А самой интересно:

— А дальше что? На собрании что было?

— Этот Ажгерей — себе на уме мужик. На людях-то он ангел, а в семье — зверь зверем. Что ни день — пьяный. Что ни день — то скандал. Представляешь, жену бил. Да и матери доставалось, если невестку с внуками защищала...

Таужан ахает, раскачивая раскладушку: «Ой-ёй-ёй, кто бы подумал!»

— Хорошее мясо, жирное мясо сварила Таужан,— хвалит Бекиш.— После

него воды бы испить. Угости водой, жена.

— Ведро воды рядом, зачерпни...

— Какая же ты непонятливая! — обижается муж.— Мне нравится, когда ты, именно ты, подаешь. Слаще сербетсу* тогда вода.

Ей это льстит. Да и какая женщина устоит против подобного признания?

— А знаешь ли, Таужан, кто первым выступил на суде? — Бекиш горделиво выпячивает грудь:— Я! Я сказал этому Ажгерей: Как тебе не стыдно? На голове у тебя, сказал я, седых волос больше, чем черных, а ведешь себя недостойно! В кино ходишь? «Хожу...» Очень хорошо! Поверим. А с кем? «Сам хожу. Один хожу...»

— Ишь ты, прямо-таки как настоящий прокурор был,— засмеялась Таужан.

— Да уж так,— согласился Бекиш.— Коли взялся говорить — надо говорить.

Женщина жалостливо вздохнула:

— Бедный Ажгерей! Напрасно ты на него напал.

— Ничего, умнее будет,— отодвинул табурет и встал. — Хорошо накормила. Спасибо. Даже в сон потянуло, — направился к раскладушке.— Не возражаешь, если полежу немного? Убери-ка ребенка.

— Лег бы в доме, Бекиш. Уж так не хочется сына тревожить!

— Вот-вот, в кой-то веки попросил тебя об одолжении, — кисло ухмыльнулся он и безнадежно махнул: — Неужто тяжело?

Таужан подняла сына, приговаривая: «Иди ко мне, детка, иди. Наш бедный папочка устал. Папочке нашему отдохнуть надо. Уступим ему место».

Чудесно расположился Бекиш. Лучше и не нужно. Да разве отдохнешь, если жене поболтать хочется?

— Ой, Бекиш, почему ты в туфлях улегся на постель?

— Они чистые,— эта краткость категорична.

— Выдумал! — всплескивает она руками.— Откуда обуви быть чистой? Позволь-ка, позволь, я сниму ботинки с тебя!

— Если они тебе мешают, снимай. Возражать не стану. Только, умоляю, не приставай. И вообще, слышишь, я сплю.

Бекиш захрапел. Вначале нарочно, а потом и на самом деле заснул. А храпел он отменно: когда был чабаном, овцы по ночам от его храпа испуганно жались друг к другу. Сейчас же... Сейчас же Бекиш всего-навсего разбудил этими грубыми руладами сына. Сын, в свою очередь, захлебываясь криком, разбудил отца.

— О, аллах, — мучительно морщась, взмолился Бекиш. — Что это за дом, в котором нет мне минуты покоя? Таужан! Слышишь, Таужан, прекрати этот вой, заставь его замолчать! О-о-о, заклинаю тебя!

Но жена не откликнулась. А плач ребенка становился все надрывней, все настойчивее. Бекиш вдруг представил себе, что сейчас появится Таужан с малышом на руках. Она протянет сына к нему и скажет игриво: «А ну, скажи, детка, папе: «Вставай! Поиграй, папа, с нами, поиграй! Агу, папочка...» Нет, этого допустить нельзя! Ни в коем случае!

Бекиш рванулся к дому. Там за дверью заливался слезами сын. Однако проникнуть в комнату не удалось — на пороге столкнулся с женой.

— Где ты пропадаешь?

Таужан поклонилась ему:

— А ты куда идешь? — голос ее звучал вкрадчиво.

— К тебе! — отрубил он. - Неужели тебе уши заложило, — начал он возмущенно.

— А зачем ко мне? — наивно спросила она, — может, ты ошибся, Бекиш? Может, ты решил покачать бесик?*

Он схватился за голову и завел глаза: темное небо опустилось на макушку яблони и где-то в глубине этого ночного неба, словно в расщелине, внезапно вспыхнула первая звезда.

— О, аллах,— протяжно, нараспев заговорил Бекиш, покачиваясь, точно в ритуальном танце.— Она хочет опозорить меня на весь аул! Сегодня — бесик, а завтра она прикажет мне торчать возле печки. О горе мне!

— Бекиш, милый,— вкрадчиво

уговаривала мужа Таужан.— Ты же прекрасно видишь, что я не успеваю...

Он в неистовстве скрипнул зубами и прыжками рванулся к раскладушке, нырнул под одеяло и затих. Почему? Потому что, поймите же, мужчина утомился.

Нет, что бы вы ни писали, а домашние заботы не проходят для мужчины бесследно. Особенно для мужчины, вернувшегося с такого собрания!

---

* Бесик — люлька.

*Перевел с ногайского
ВЛ. СВИРИН.*